

Тик-так.

В гостиной, где была лишь я, разносилось монотонное тиканье часов.

Было уже больше шести вечера. Миу сообщила, что немного задержится. Похоже собралась поужинать с подругами.

А я ничего не ела и ждала её. Аппетита совсем не было. Скорее я была не уверена, что смогу что-то съесть.

Тик-так.

Стрелка часов продолжала идти.

Странное ощущение. Я просто жду, когда Миу вернётся домой, но почему-то хочется, чтобы время остановилось.

Когда дочь вернётся... И я смогу с ней увидеться, сейчас меня пугает это.

Но... Сбегать нельзя.

Я должна увидеться с ней.

И всё решить...

— ... Я дома.

Дверь открылась и прозвучал непринуждённый голос.

— С возвращением, Миу.

Я вышла в коридор и как обычно поприветствовала её.

— Я хочу с тобой поговорить, не возражаешь? — тут же продолжила я.

— ...

Девушка молча зашла в гостиную и села на диван.

Я пошла по другую сторону стола. Говорить надо лицом к лицу... Но я боялась, как бы в таком случае не потерять решимость.

— ... Так о чём ты хотела поговорить? — колко сказала Миу.

— Думаю, ты знаешь. Я бы хотела продолжить разговор, начатый в поездке.

— ... Это ни к чему, — замотала она головой.

— Я уже всё поняла.

— А?..

— Миу... Я поняла, что ты хочешь сделать, — сказала я. — То, что ты делала... Чтобы свести меня и Таккуна. Я полагала, что ты притворяешься, что хочешь встречаться с Таккуном, чтобы подстегнуть меня...

— Говорю же...

— Но, — я не дала ей договорить. — Это... Не всё.

Не всё.

Что бы ни было... Всё не так.

— Ты с самого начала поддерживала нас. Это так и осталось неизменным. И когда стала пытаться увести у меня Таккуна... Ты влезла, когда я пользовалась добротой Таккуна и уходила от ответа. Как бы ты это ни делала, это было ради меня... Но...

Мой голос дрожал.

Дышать было тяжело.

Но я выдавливала из себя слова. Если замолчу хоть на миг, то уже не смогу продолжить.

Потому... Я говорила.

Раз начала, отступать уже нельзя.

Я должна была сказать.

— ... На самом деле ты ведь любишь Таккуна?

«Любила с самого детства?»

Да.

Так я спросила.

Я сделала так, чтобы пути назад не было. Путь к отступлению позади трескается словно тонкий лёд.

— Ты сказала, что будешь встречаться с Таккуном... Показала всё так, будто он тебе интересен... Я думала, что ты притворяешься, чтобы поддеть меня... Но всё ведь не так. Ты играешь уже давно.

Её притворный интерес к Атерадзаве Такуми... Сам притворство.

Она специально вела себя так, будто он ей не интересен.

Это была двойная игра Миу.

И она провела меня.

Я не могла заметить лжи дочери.

— Прости, Миу... Я не замечала твоих чувств.

— ... И что? — холодно спросила она.

На её лице не было никаких эмоций, когда она говорила:

— Даже если ты права, и мне нравится братик Таку... Как ты поступишь? — она посмотрела на меня своими прозрачными глазами.

Пронзительный взгляд, в котором был вызов.

— Поддержишь меня?

Об этом же она говорила пару недель назад.

Но теперь всё было иначе.

Я знаю об истинных чувствах Миу.

Зная всё, я должно принять решение.

— ... Миу. Послушай, — глубоко вдохнув, я заговорила.

Если честно, хотелось прямо сейчас сбежать отсюда. Казалось, что меня раздавит этим невероятным давлением.

Но... Сбежать я не могла.

Я уже прошла точку невозврата и должна идти дальше.

— Я ведь твоя мама, — сказала я более решительно, встала со стула и пошла.

Я подошла к дивану, на котором сидела Миу.

— Конечно не я тебя родила... Но ты моя дочь. Может я бываю слишком навязчива... Но в этом мире... Я сильнее всех желаю тебе счастья.

... Нет родителей, которые бы не желали бы счастья своим детям

Я вспомнила слова Томоми-сан.

Да, так и есть. Всё именно так.

Родители желают счастья своим детям.

И не способные на это родители... Никакие не родители.

— Я хочу, чтобы ты была счастливой. И для этого я готова сделать всё. Потому... Я не могу подвинуть тебя и начать встречаться с парнем, который тебе нравится.

Не могу.

Просто не могу.

Мать не может увести мужчину, которого любит дочь.

Такого... Просто нельзя делать.

— Мне приятно знать, что ты желаешь мне счастье, подавляешь собственные чувства и поддерживаешь меня и Таккуна. Но, Миу... Я не могу принять такие твои чувства. Ведь... Я твоя мама... Хочу ей быть...

Десять лет назад...

Я выбрала путь матери.

Я обошла стороной многое из того, через что проходят матери, например влюблённость, свадьбу, беременность и роды, и потом внезапно стала мамой.

Я не проходила через роды и не являюсь родной матерью.

Потому хочу, чтобы хотя бы чувства были настоящими.

Хочу подарить Миу настоящие чувства, ничем не уступающие моей сестре.

Потому не могу.

Не могу поставить чувства женщины... Превыше чувств матери.

— ... Значит ради меня ты откажешь братику Таку?

— Немного... Не ради тебя. Я хочу быть твоей мамой. В данном случае дело во мне...

— И... Теперь ты поддержишь мою любовь?

— ... Верно. Именно это... Я и планирую, — от боли в груди стало тяжело дышать.

Сжимая кулаки, я вытягивала из себя слова.

— Ведь... Изначально так и должно было быть. Ты должна была встречаться с Таккуном.

Друзья детства с небольшой разницей в возрасте.

Когда такие вместе... Это более привычная любовная история.

И здесь не место матери подруги детства.

Разве что я должна появляться время от времени и, видя их, говорить: «Ах, и-хи-хи. Как здорово быть молодыми».

Ведь... Ещё два месяца назад это и было моё положение.

Будто ничего не было.

Просто... Вернуться назад.

До признания.

Это нормально.

Естественно.

Так правильнее всего...

— Потому я... Собираюсь поддерживать вас...

Так предполагалось.

Вот.

Так я сказала.

Свой затухающий голос я обращала в слова.

— Этого я хотела. Думала поступить именно так. Правда думала... Отказать, забыть всё, что было за эти два месяца, будто ничего не было... А потом поддержать вас... Но... Но... У-у...

Слёзы, которые я всё это время сдерживала, начали вытекать из глаз.

Не способная стоять, я опустилась на колени.

Несколько часов назад...

Когда я покинула дом семьи Атерадзава и решила поговорить с Миу... Когда решила сказать: «Я не буду с ним встречаться. И откажу ему».

Жамк.

Грудь сковало болью.

— У... У.

Жамк, жамк...

Боль была просто невыносимой. Острая, будто в сердце втыкали иглы.

Почему?

Почему так тяжело?

Почему так больно в груди?

Просто... Я захотела вернуть всё как было.

Вернуться на два месяца назад, когда я не знала про чувства Таккуна.

Всего лишь это, так почему, почему, почему...

Почему... Мне так это не нравится?

Так нельзя.

Как мать Миу я должна это сделать...

— ... А?

Пока грудь сжималась от боли, на телефон пришло сообщение.

Отправителем был... Таккун.

«Отправляю фотографии с путешествия».

Альбом обновился и появились фотографии.

На них... Мы улыбались.

В бассейне, на горячем источнике, в игровом центре, ресторане и комнате... Наши фотографии из разных мест отеля.

Почему-то были и фотографии, где только я и он.

В альбоме приложения была папка и с фотографиями из парка развлечений.

— ... М!

Пока рассматривала фотографии, накатили воспоминания.

Те, что были после признания.

Мой взгляд изменился... Теперь я смотрела на него не как на сына или младшего брата, а на мужчину.

Это же... Вызвало воспоминания за десять лет.

Раньше он был всего-лишь мальчиком, живущим по соседству, и теперь эти обычные воспоминания изменились.

На телефон пришло сообщение.

«Хочу и дальше ездить в совместные семейные путешествия. И ещё. Если будет возможность, опять хотелось бы сходить вдвоём на горячий источник или в бассейн».

— ...

Когда увидела это, прижала телефон и была готова расплакаться.

Теперь я поняла... Что за колющая боль была в сердце.

— ... Прости, Миу. Я люблю Таккуна, — сказала я.

Опёршись руками на пол, я расплакалась.

В таком жалком виде... Я говорила это.

Я оставалась нерешительной с ответом... Продолжала обманывать, и вот наконец признала.

— Люблю... Очень сильно люблю.

Признала.

Мне оставалось только признать.

Вот так жалко и иронично.

Решив отступить ради дочери... Я заметила свои чувства.

После всего я отказывалась смотреть в лицо своим чувствам.

— Назад дороги нет... Я не смогу улыбаться так, будто ничего не было... Ведь... Я уже всё знаю. Я знаю, что Таккун искренне любит меня...

Мне так и хочется ответить на его чувства.

Но это не имело ничего общего с чувством долга.

Просто радость.

Просто нестерпимая радость.

Я всё в нём люблю...

— Когда он сказал мне, что любит... Я была в замешательстве и панике. Была напугана и готова была сбежать... Вот такая я жалкая, а Таккун стал ждать мой ответ. И пока ждал, повторял, что любит. И после всего... Я не могла не полюбить.

Люблю.

Очень люблю.

Я люблю Таккуна.

Когда признала, чувства так и нахлынули.

— ... Прости, что говорю такое... До признания не замечала... Раньше он был для меня лишь другом дочери. А ты всё это время его любила...

Таккун любил меня десять лет... И Миу любила его столько же.

Она не забывала об обещании, данном в детстве.

Отбросить чувства Миу... И забрать парня.

Такое было просто недопустимо.

Головой я это понимаю.

Но сердце вообще меня не слушает.

— С тех пор, как Таккун признался, и я стала видеть в нём мужчину, прошло всего два месяца... По сравнению с тобой времени прошло совсем немного... Я понимаю это. Понимаю... Но, всё же... Ничего не могу поделать! Прошло всего два месяца... И я просто до смешного... Полюбила Таккуна... Я полюбила его...

Чувства сжимали грудь и выходили из горла.

Слова давались тяжело.

А слёзы никак не останавливались.

— Потому... Я не смогу... Поддержать тебя и Таккуна. Я не хочу... Отдавать его тебе... Не могу отказаться... От моих чувств... У, у-у...

Из глаз на пол капали слёзы.

Всхлипывая, я обнажила свои чувства.

— Прости... Прости, Миу... Никудышная у тебя мама... Я твоя мать, но не могу поставить тебя на первое место, прости...

Ах...

Ужасная.

Я и правда ужасная мать.

Я должна сейчас извиняться перед дочерью от всего сердца...

А я... Думаю только о Таккуне.

Улыбающийся, злящийся, печальный, плачущий, юный, нынешний... Множество его лиц заполнили мою грудь.

Мысли о нём переполняли меня...

— ... Я люблю Таккуна... Очень люблю. Хочу встречаться с ним, всегда быть вместе... Не хочу его потерять... Потому, Миу... Прости, мне правда жаль.

«Откажись от Таккуна!..»

Вот.

Так я говорила.

Без стеснения, гордости и прочего как мать и взрослая я обнажила свои чувства без прикрас.

Будто дитя я выставила напоказ свой эгоизм и заплакала.

Из меня точно душа вышла, я лишилась сил, потеряла равновесие и чуть было не завалилась.

Но... Хвать.

Меня нежно обняли и поддержали.

Словно мать обнимает плачущего ребёнка.

— Всё хорошо, — добрые слова прозвучали возле моего уха.

Прозвучал лёгкий словно пёрышко и прекрасный голос.

— Раз уж ты так говоришь. Я отдам братика Таку тебе.

Говорившая непринуждённым голосом и обнимавшая меня Миу отпустила меня.

До этого из-за того, что плакала, я не могла увидеть лица дочери, и вот наконец увидела.

— Эх, вся в слезах. Мама такой ребёнок.

Она вытерла мне слёзы рукавом.

Миу... Улыбалась.

Радостно и счастливо она улыбалась.

— Вот и хорошо. Мама наконец поняла свои чувства.

Пока я не успокоилась, мы сидели на диване. От плача я успела устать и опёрлась на Миу.

Выглядела я жалко, а Миу положила руку мне на голову и нежно погладила.

Будто я стала дочерью, а Миу мамой...

— ... Эй, мама, — нежно заговорила она.

Будто мать читает дочери книжку с картинками.

— Помнишь? Когда я впервые назвала тебя мамой?

— ... Помню.

Я не могла такое забыть.

Вначале... Миу была осторожна со мной.

Когда напивалась, я вечно начинала рассказывать об этом, а потом в слёзы.

— Прошёл где-то месяц с тех пор, как умерли мама и папа. Когда я просыпалась ночью, то начинала плакать. Мне снились родители... И я просто начинала рыдать...

— Верно.

Я до сих пор прекрасно это помнила.

Миу просыпалась посреди ночи... И начинала рыдать.

Во время похорон она не проронила ни слезинки, а тут громко плакала.

— Деталей я не помню... На сны наверняка были счастливыми. О том, как я весело играла с папой и мамой. А когда просыпалась, понимала, что мне всё приснилось... Осознавала, что папы и мамы больше нет... Мне становилось так грустно, и я начинала плакать.

Маленькая Миу не сразу поняла, что её родители погибли.

Потому и не плакала, и жизнь со мной ей не казалась странной.

Но это... Не казалось мне нормальным.

Непонимание того, что родители мертвы, парализовало сердце.

Из-за чрезмерной нагрузки... Сны о родителях стали для неё обычным делом.

— Мама постоянно меня обнимала и успокаивала... Но я не успокаивалась. И следующим вечером... Сбежала.

Я до сих пор помню, какие отчаяние и страх накрыли меня.

Я готовила ужин... Когда Миу не стало.

Обуви не оказалось, потому я сразу поняла, что она ушла.

— Взрослые говорили про родителей, что они не умерли, а отправились далеко или теперь живут на небесах. И пятилетняя я надеялась. Папа и мама где-то там.

— ...

— Потому... Я решила отправиться на поиски. Вдруг папа и мама тоже меня ищут и у них получится найти... Так я подумала. Такой... Я была глупой.

Я покачала головой.

Я не могла смеяться над чувствами пятилетней девочки.

— Это были лишь детские выдумки. Когда покинула дом, мне стало одиноко, но в темноте я не могла найти обратный путь, от страха я упала и поранилась... Потом забрела на детскую площадку и заплакала там.

Сейчас Миу говорила об этом с улыбкой, но в пять лет ей было тяжело и одиноко.

— Небо стало совсем тёмным, пораненные коленки болели... Было страшно, и я плакала. А ещё я звала погибших папу и маму... И тут, — Миу посмотрела на меня. — Мама... Нашла меня.

— ...

— Пока я плакала, не зная, что делать, мама пошла искать меня и нашла.

— ... Я была не одна. Мне помогали Таккун и Томоми-сан.

Её не было меньше часа.

Но я даже представить не могу, как страшно могло быть маленькому ребёнку. И я до сих пор сожалею, что не смогла найти её быстрее.

— Когда ты нашла меня, то вначале разозлилась, а потом заплакала и обняла меня.

И я тоже... Заплакала вместе с тобой.

— ... Точно.

Тем вечером мы взахлёб рыдали.

— В тот день я признала, что папа и мама мертвы. И... Что я не одна. И решила звать тебя не тётёй Аяко, а мамой.

— ...

— С того дня ты стала моей мамой, — сказала Миу.

Она прикрыла глаза и открыла, думая не о прошлом, а настоящем.

— Когда моих родителей не стало, для всех я была «бедной»... Но за эти десять лет мне не было одиноко. Была лишь радость. Я жила счастливой жизнью. И всё благодаря тебе. Потому ты не никудышная мать.

— Миу...

— И я уже говорила... Ты для меня настоящая мама. И как ты желаешь мне счастья, также его желаю тебе и я. И потому... Не отступай ради меня. Я хочу, чтобы ты думала о себе.

— О себе?.. — повторила я, а Миу надулась:

— Мама, ты всегда в первую очередь думаешь не о себе, а обо мне. Вот и в этот раз. Ну, я тоже виновата... Но ты только обо мне думала. А чего хочешь сама, даже не задумывалась.

«Ты вообще... Не пыталась себя понять».

Так сказала Миу.

— ...

Ах, точно.

Я поняла смысл слов «не понимаешь».

Я пыталась понять чувства Миу... И отводила взгляд от собственных.

До самого конца не могла посмотреть на саму себя.

— Я хотела услышать твои искренние чувства. Когда ты не сдерживаешься ради меня... Не чувства моей мамы, а чувства Катсураги Аяко. Потому... Я рада. Что ты поведала о своей пылкой любви.

— ... М.

— Да уж, дела. Я думала, что ты пару раз скажешь «люблю». Но как услышала, от стыда умереть была готова.

— Х-хватит издеваться.

Она подшучивала, и мне стало стыдно.

Миу рассмеялась, а потом спокойным голосом продолжила:

— Мама... Ты сказала, что начала признавать братика Таку два месяца назад, но это не так.

— А?..

— Он всегда был рядом, потому ты этого не замечала. А тут братик Таку признался. Десять лет... Всё это время он был рядом, потому ты так сильно и влюбилась.

— ...

— А-ха-ха. Прямо как любовь друзей детства.

Любовь друзей детства.

Когда человек постоянно рядом, это становится настолько привычно, что ты не замечаешь, как он тебе дорог.

— Ты как следует влюбилась. Потому и не стеснялась, когда прокричала, что любишь братика Таку.

— ... Но, Миу. Ты уверена? — спросила я.

Я говорила о тревогах и беспокойстве, которые никак не отступали.

— Ведь ты... Всё это время любила Таккуна.

— А... Ну да, — она почесала голову. — Не сказать, что прямо любила.

Она отвела взгляд и теперь выглядела неловкой.

— ... А?

— Просто ты так увлеклась этим, что я даже как-то упустила момент сказать, что это не так... Мне нравится братик Таку. Но как я говорила, я не вижу в нём мужчину.

— ... А? А? А?

— Как ты и говорила, я всё это делала, чтобы подтолкнуть тебя. На самом деле я так не думаю о нём, — спокойно сказала она.

— Т-тогда... Что по поводу обещания?

— Обещания?..

Во время путешествия перед дверью ты же так радостно говорила о том, что он помнит обещание...

— ... А, — Миу неловко уставилась в потолок.

— Всё же ты услышала.

— ... Это ведь обещание пожениться? Когда ты показала мне картинку в рамочке, ты об этом говорила...

— ... Так ты видела эту картинку у меня в комнате?

— А-ага...

— А... Вот как. Я решила её убрать. А ты нашла... — озадаченно проговорила Миу. — Это... Мы и правда тогда на этой картинке пообещали. Пожениться. И я была рада, что братик Таку помнит... Но эта картинка... М, хм. Как бы сказать... — она неловко замычала, а потом, точно сбегаая, встала с дивана. — ... А.

Её взгляд забегал, а потом упал на один предмет.

Она подошла к столу и взяла его.

Это... Перевоплощающий пистолет «волнительный магнум».

Я игралась с ним в первую половину дня и забыла убрать.

Неловко улыбаясь... Девушка нажала на кнопку.

Зазвучала фраза Хиюмин из тридцать шестой серии.

... Мой козырь... Обратимость.

<http://tl.rulate.ru/book/71226/1994294>